

УДК 82-132

ОБРАЗ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЭМЕ Д. Г. БАЙРОНА «ДОН ЖУАН»: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Е. Н. Михайленко

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел. +7 (347) 273 68 74.
Email: mikhaylenko71@bk.ru

Статья посвящена исследованию образа цивилизации в поэме Д. Г. Байрона «Дон Жуан» в контексте мифа о грехопадении и прометеевского мифа. Внутренняя близость двух мифов позволила поэту соединить их с целью акцентировать внимание на ключевой для поэмы идее изначальной двойственности человека и самой цивилизации, возникшей в результате нарушения запрета. В статье анализируются байроновские отсылки к названным мифам и воссоздается обобщенная картина цивилизации как «падшего мира». По замыслу Байрона, последствия грехопадения обнаруживаются, прежде всего, в агрессии и общей неразумности устройства мира людей. В то же время прометеевское начало в человеке, понимаемое как творческая и интеллектуальная энергия, способно компенсировать первородный грех. Автор статьи приходит к выводу о том, что универсальность возникающей в «Дон Жуане» модели человеческого мира позволяет рассматривать поэму как образец романтического мифотворчества.

Ключевые слова: Байрон, Дон Жуан, миф о грехопадении, миф о Прометее, романтическое мифотворчество.

В английской литературной традиции Нового времени Библия занимает особое место. Библейская образность и символика стали неотъемлемой частью английского культурного сознания в эпоху Реформации. В век Просвещения Библия, ставшая объектом рационалистической критики, приобрела статус литературного и мифологического памятника. В этом качестве она оставалась для английских писателей источником мотивов и образов на протяжении всего XIX в. Так, романтики использовали Библию в качестве фундамента для собственного мифотворчества [1].

В художественном наследии Д. Г. Байрона библейская образность занимает очень заметное место [2]. Помимо произведений, созданных непосредственно на материале Библии, едва ли не во всем, что писал Байрон, можно найти аллюзии или прямые отсылки к Книге. Стоит особо отметить, что поэт использовал библейский материал для постановки важнейших мировоззренческих проблем.

Объектом исследования в настоящей статье является поэма Байрона «Дон Жуан» (1818–1823). Можно заметить, что поэт существенно переосмыслил заглавный образ, который с легкой руки немецких романтиков воспринимается не иначе как мифологический персонаж Нового времени наряду с образами Гамлета и Дон Кихота. Соответственно, Шекспир и Сервантес предстают мифотворцами, чьи образы оторвались от породившей их действительности и поднялись в сферу мифа [3]. Байрон продолжает этот ряд с уточнением, что он, имея дело с подобным персонажем-эмблемой, встраивает его в новый мифологический контекст.

Поэма содержит символический «каркас», образованный двумя мифологическими темами, отражающимися друг в друге – ветхозаветной легендой о грехопадении Адама и греческим мифом о

Прометее. Их внутренняя близость давно замечена. Так, Ф. Ницше, отметив, что «оба мифа находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой», увидел это родство в том, «лучшее и высшее, чего может достигнуть человечество, оно требует путем преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия» [4, с. 106]. По Г. Гадамеру, «оба сказания выводят тягостную участь человеческой жизни из провинности» [5, с. 242].

«Дон Жуан» в целом позволяет ответить на вопрос о том, что именно имел в виду Байрон, объединяя два мифа. Так, по мнению М. Джозефа, поэт следовал героической – эсхилловской – версии мифа о Прометее, а потому фигура титана олицетворяет в его сознании мечту о прогрессе человечества, и именно прометеевское начало в человеке способно устранить последствия первородного греха („... man, immortal and Promethean, reaches out for knowledge and power. Byron is in the tradition of those who have believed that, in attempting to conquer his limitations, man is attempting to repair the damage of the Fall“) [6, p. 231]. Характерно, что среди западных байроноведов царит согласие по поводу исключительной важности концепции грехопадения в системе воззрений Байрона. Э. Лоуэлл, кажется, выразил общее мнение, заметив, что «падение человека – как бы он [Байрон. – Е. М.] ни возмущался несправедливостью его последствий – все заслоняющий факт для него» („The fall of man – however he resented the injustice of its consequences – is the all-shadowing fact for him“) [7, p. 250] Дж. Риденгауп, соглашаясь с Лоуэллом, отмечает, что Байрон к тому же «ни в коем случае не является не критическим приверженцем Похитителя Огня» („he is a by no means uncritical partisan of the Thief of Fire“) [8, p. 88], и прометеевская тема, соответственно, звучит в поэме не так оптимистично, как кажется М. Джозефу.

Что касается Байрона, он в тексте поэмы дал повод для обоих истолкований прометеевского начала: дар титана – это «непрощенный огонь, который Прометей похитил для нас с небес» („... unforgiven Fire which Prometheus filch'd for us from heaven“ I, 127). Здесь и далее перевод подстрочный, а оригинальный текст цитируется по [9]. Ссылки на оригинал даются с указанием в скобках номеров песни и строфы.

Таким образом, «можно утверждать, что, соединяя два мифа, Байрон заострил идею изначальной двойственности человека и самой цивилизации, возникшей в результате нарушения запрета. Грехопадение и похищение божественного огня ознаменовали начало исторического времени, став причиной всех последующих бед человечества, но в равной степени и стимулом к преодолению обусловленной грехопадением противоречивости и ограниченности человека» [10, с. 54].

Несовершенство природы человека как главное следствие грехопадения (пусть понимаемого метафорически) сказывается не только на уровне индивидуального существования, но обнаруживает себя во всех сферах бытия «постадамовской» цивилизации. Байрон демонстрирует двойственное отношение к цивилизации, созданной человеком с его разрушительной и созидательной деятельностью: «Человек – странное животное и находит странное применение // Своей натуре и разнообразным способностям...» („Man's a strange animal and makes strange use // Of his own nature, and the various arts“ I, 128).

Воплощением противоположных направлений деятельности человека становятся для Байрона современные открытия – введение вакцинации против оспы и изобретенные Конгривом пороховые ракеты: „What opposite discoveries we have seen! [...] // But vaccination certainly has been // A kind antithesis to Congreve's rockets“ (I, 129). Таким образом, многие продукты цивилизации – разрушительное оружие, войны, деспотизм – свидетельствуют о падшем состоянии человека; с другой стороны, одним из символов цивилизации у Байрона является Ньютон, отчасти искупивший первородный грех человека с помощью того же яблока, которое погубило людей: „Men fell with apples, and with apples rose“ (X, 2). Иными словами, творческая – прометеевская – энергия человека способна стереть с человечества пятно грехопадения. Однако, оставляя людям шанс на спасение, в поэме Байрон все же акцентирует внимание на негативных последствиях грехопадения, так как с ними человеку чаще приходится сталкиваться и эти столкновения слишком ошутимы.

Война, будучи неотъемлемой частью жизненного опыта детей Адама, является результатом сознательной воли людей, преследующих свои цели. Эта мысль выражена в поэме строфой, переключившейся со строкой книги Бытия: «Да будет кровь!» – изрекает человек, и вот – море!» („Let

there the Blood!“ says man, and there's a sea!“ VII, 41). Война абсурдна, так как ее результатом всегда оказывается разрушение, перечеркивающее годы созидательных усилий.

Последствия грехопадения обнаруживают себя и в таких специфических сферах деятельности человека, как искусство одеваться и кулинария: падшее человечество придает одежде и еде несоизмеримо большее значение, чем это обусловлено реальными потребностями человека. Точкой отсчета для определения меры этих потребностей являются для Байрона Адам и Ева, которые и после изгнания из Эдема довольствовались скромным одеянием и рационом питания. Сшить первое платье Еву заставил стыд наготы – первый плод познания, данный людям после грехопадения. Зато ее дочери, имеющие слишком много свободного времени, оказались весьма изобретательными в деле выдумывания новых фасонов (XIV, 78). В той же мере количество интеллектуальной энергии, затраченной человечеством на изобретение всевозможных блюд, не поддается осмыслению: кулинария превратилась со времен прародителей в целую науку и далеко превзошла естественные потребности человека (XV, 69). В этом «странном применении ... разнообразным способностям» падшего человека в падшем мире повинна порочная праздность, ставшая уделом многих детей Адама.

Так в «Дон Жуане» возникает тема основополагающей неразумности жизни, определяющая ироническую интонацию поэмы, которая получает свое обоснование в красноречивой формуле: «И если я смеюсь над делами смертных, // то это потому, что не могу плакать» („And if I laugh at any mortal thing, // 'T is that I may not weep“ IV, 4). Байрон предстает не только сатириком, обличающим современные нравы, общественные институты и человеческие пороки. Его смех вместо слез носит всеобъемлющий характер и затрагивает все сферы бытия, становясь способом восприятия мира.

В начале седьмой песни Байрон констатирует, что Екклесиасту и Сократу с их печальными истинами о ничтожности жизни и знания пока нечего противопоставить. Однако люди никогда не смогут примириться с мудростью древних, тщетно стремясь отыскать смысл своего существования. В одном из лирических отступлений Байрон размышляет о судьбе нашего мира, рассматривая его будущее сквозь призму теории катастроф Кювье. Поэт представляет, как *нынешний* мир превратится в *бывший* („former world“ IX, 37) и из хаоса родится новое творение. После катастрофы все начнется заново, и снова будут рай, и грехопадение, и изгнание юных людей из нового рая ... А потом наступит историческое время, и люди научатся всему, чего требует от них цивилизация, став особенно искусными в ведении войн и сборе налогов („war and taxing“ IX, 40). Для обитателей этого молодого мира мир сегодняшний будет тем же, чем является для нас

доисторическая эпоха, но люди лучше не станут: поэт подчеркивает это, выделяя приоритеты их деятельности.

Перспектива движения по замкнутому кругу, нарисованная Байроном, отнюдь не радужна, но и меланхолии в его тоне не слышно. Если в мистерии «Каин» теория Кювье была использована в качестве серьезной естественнонаучной гипотезы, объясняющей геологическое *прошлое* Земли, то в «Дон Жуане» она нужна поэту как метафора, с помощью которой он, иронически живописуя *будущее* мира, констатирует неразумность его *настоящего*. Превращая единственный акт творения мира и грехопадения в одно из звеньев бесконечного цикла, Байрон, разумеется, не настаивает всерьез на научном значении этой модели. Она не хуже и не лучше других попыток объяснения мира, неразумного в своей основе. Мир неразумен в том смысле, что не имеет никакого отношения к *человеческому* разуму и потому не может быть адекватно осмыслен в понятиях и категориях логики. По мнению Байрона, любые доктрины и выдумываются для того, чтобы скрыть от человека неразумность бытия и создать видимость его упорядоченности. Однако попытки человечества выстроить вокруг себя стены из религий и философских систем не способны изменить основополагающего свойства реальности – ее непознаваемости: «Что есть реальность? Кто имеет ключ к ней? // Философия? Нет: она слишком многое отвергает. // Религия? Да, но какая из всех ее сект?» („But what's reality? Who has its clue? // Philosophy? No: she too much rejects. // Religion? Yes; but which of all her sects?“ XV, 89). В определенном смысле Байрона можно считать предшественником экзистенциалистов XX в. с их идеями принципиальной непознаваемости бытия и тотальной смыслоутраты.

Но человечество не расстается и никогда не расстанется со спасительными «идеями», которые, устаревая, тут же заменяются новыми, столь же «истинными». Мотив их воздействия на сознание людей возникает в «Дон Жуане» не раз в религиозном, философском и социально-политическом контексте и тоже оказывается связанным с темой неразумности бытия. Речь идет уже не только о миропорядке, но и о бытии общественном, все сферы которого – политика, мораль, религия и пр. – регулируются людьми.

В финале первой песни поэт в форме пародии изображает механизм зарождения и функционирования «идей». Перед читателем появляется переложение декалога, в котором в форму заповедей облекаются литературные пристрастия поэта. Предваряя свою шуточную систему правил формулой «Каждый поэт – сам себе Аристотель» („Every Poet his own Aristotle“ I, 204), автор позволяет себе наставления-императивы: «Веруй в Мильтона, Драйдена, Поупа; // Не возвеличивай Вордсворта, Кольриджа, Саути // Не пожелай ни Музы мистера

Сотби, его Пегаса, ни всего, что у него есть» („Thou shalt believe in Milton, Dryden, Pope; // Thou shalt not set up Wordsworth, Coleridge, Southey // Thou shalt not covet Mr. Sotheby's Muse, // His Pegasus, nor anything that 's his“ I, 205–206).

Было бы ошибкой воспринимать эти «заповеди» серьезно и буквально, поскольку сам Байрон недвусмысленно отвергает подобное их прочтение, одновременно разоблачая неписанные правила цеха литературных критиков: «Короче говоря, пиши не иначе, чем угодно мне: // Такова настоящая критика („Thou shalt not write, in short, but what I choose: // This is true criticism“ I, 206). Библейские заповеди, пародируемые Байроном, носят имперсональный характер: предписанные свыше, они отражают не чью-либо личную точку зрения на принципы существования людей, но непререкаемый универсальный закон. «Увековечив» в форме священных императивов подчеркнуто личные суждения о литературной иерархии, поэт остроумно дискредитирует саму идею незыблемых правил и абсолютных истин, будь то религиозных или литературно-критических. По мнению скептика Байрона, все доктрины и непреложные принципы в действительности лишь опираются на традицию или силу авторитета и, заставляя людей действовать определенным образом, прикрывают своей мнимой непреложностью сугубо прагматический интерес.

Отращивание Байроном к любым «системам» известно. Они дают удобные, но слишком разные, а потому лживые ответы на все вопросы, не проясняя сущности явлений. Если отбросить теории, которыми человек, обманывая себя, отгородился от непознаваемого мира, останется пустота, которую не заполнить ничем: «Столь мало знаем мы о том, чем мы являемся // В этом мире, что я сомневаюсь в самом сомненьи» („So little do we know what we're about in // This world, I doubt if doubt itself be doubting“ IX, 17).

В целом итоговое произведение Байрона можно рассматривать в качестве образца романтического мифотворчества, поскольку здесь представлена универсальная по своему значению модель человеческого мира. Соединение мифологических мотивов с жизненно-конкретными обстоятельствами, на фоне которых происходит действие поэмы, формирует особое художественное пространство с большим потенциалом обобщения. Романтический миф, возникающий в «Дон Жуане», создан на основе традиционного для европейской литературы жанра эпической поэмы. Эпическая жанровая форма, использованная для обработки легенды о Дон Жуане впервые в литературной традиции, избрана поэтом не случайно: открытое, незамкнутое пространство эпоса сопротивляется выстраиванию жесткой структуры бытия и, в отличие, например, от драмы, не ограничивает отношения человека и мира никакими рамками и правилами. В «Дон Жу-

ане» эпическая форма способствовала созданию образа неразумного и неупорядоченного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайленко Е. Н. Особенности романтического мифотворчества Д. Г. Байрона в мистерии «Каин» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. №3. С. 889–892.
2. Михайленко Е. Н. Библейские темы и мотивы в позднем творчестве Д. Г. Байрона: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 195 с.
3. Эрштейн М. О. Образ Фортинбраса в трагедии Шекспира «Гамлет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №6–2(48). С. 203–205.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М.: Азбука-классика. 2000. 230 с.
5. Гадамер Г. Г. Прометей и трагедия культуры // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство. 1991. С. 242–255.
6. Joseph M. K. Byron the Poet. L.: Gollancz. 1964. 346 p.
7. Lovell E. J. Byron: The Record of a Quest. Studies in a Poet's Concept and Treatment of Nature. Austin, Univ. of Texas Press, 1949. 270 p.
8. Ridenour G. The Style of „Don Juan”. New Haven: Yale Univ. Press. 1960. 168 p.
9. The Complete Works of Lord Byron. Paris.: Baudry's European Library. 1837. 954 p.
10. Михайленко Е. Н. Образ байроновского Дон Жуана в контексте мифа о грехопадении // Вестник Кировского государственного университета. 2016. №11. С. 53–56.

Поступила в редакцию 03.05.2017 г.

**THE IMAGE OF CIVILIZATION IN THE POEM “DON JUAN”
BY D. G. BYRON: MYTHOLOGICAL ASPECT**

© E. N. Mikhaylenko

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 273 68 74.

Email: mikhaylenko71@bk.ru

The article is devoted to the study of the image of civilization in D. G. Byron's poem "Don Juan" in the context of the myth of the Fall and the Promethean myth. The author proceeds from the premise that the inner affinity of two myths allowed Byron to focus on the poem's key idea of the primordial duality of a man and of civilization itself, which arose as a result of violation of the prohibition. In the article, Byron's references to the named myths are analyzed and the picture of civilization as a "fallen world" is recreated. According to Byron's plan, the consequences of the Fall are found in the contradictory direction of human activity, but first of all the Original Sin manifests itself in aggression and the general irrationality of the organization of human communities. At the same time, the immortal Promethean principle in a man, being understood as creative and intellectual energy, can compensate for Original Sin. The combining of complementary mythological motifs with life-specific circumstances that is the background, where the action of the poem takes place, forms a special artistic space with a great potential for generalization. The author of the article comes to the conclusion that the universality of the model of the human world arising in the Don Juan allows us to consider the poem as an example of romantic mythmaking.

Keywords: Byron, Don Juan, myth of the Fall, Promethean myth, romantic mythmaking.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Mikhailenko E. N. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. Vol. 14. No. 3. Pp. 889–892.
2. Mikhailenko E. N. Bibleiskie temy i motivy v pozdnem tvorchestve D. G. Bairona: diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2003.
3. Ershtein M. O. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. No. 6–2(48). Pp. 203–205.
4. Nietzsche F. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The birth of tragedy out of the spirit of music]. Moscow: Azbuka-klassika. 2000.
5. Gadamer G. G. Aktual'nost' prekrasnogo. Moscow: Iskusstvo. 1991. Pp. 242–255.
6. Joseph M. K. Byron the Poet. Leningrad: Gollancz. 1964.
7. Lovell E. J. Byron: The Record of a Quest. Studies in a Poet's Concept and Treatment of Nature. Austin, Univ. of Texas Press, 1949.
8. Ridenour G. The Style of „Don Juan”. New Haven: Yale Univ. Press. 1960.
9. The Complete Works of Lord Byron. Paris.: Baudry's European Library. 1837.
10. Mikhailenko E. N. Vestnik Kirovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 11. Pp. 53–56.

Received 03.05.2017.